

АКХАР

ЭТО МОЯ ИСТОРИЯ

НАТАЛИ КРАММ

18+

Натали Крамм
Акхар. Это моя история

«Автор»

2026

Крамм Н.

Акхар. Это моя история / Н. Крамм — «Автор», 2026

Они слагают обо мне легенды. Пугают детей моим именем. Называют чудовищем, дикарём, Улыбкой Смерти. Хватит этих красивых сказок. Я не принц и не монстр из сказаний. Я — Акхар. Сын пастуха, который устал ждать, пока старый мир сгниёт. Чтобы построить новое ханство, нужно сломать старое. И да, для этого придётся пролить реки крови. Но разве лорды Аркандэля проливают меньше, вводя новые налоги? Разве мясник не убивает овцу на ужин? Я убил своего вождя в шестнадцать лет, потому что он был предателем. Я вырезал Ливиндаль, чтобы Королевство знало — их стены больше не защита. Я заключил сделку с Озером Мертвецов и стал Неодолимым. Это моя история. Без прикрас и лжи. Если тебе не по нраву сцены, где пьют, ругаются, дерутся и берут города в осаду — закрывай книгу. Тебе не сюда. А если ты готов узнать правду из первых уст... наливай вина и садись у моего костра. Сегодня я воюю словом.

© Крамм Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я Акхар	5
Глава 2. Сбор всех племен великой Степи	9
Глава 3. Рог-Танат вершится при свете дня	11
Глава 4. Пир был в самом разгаре	14
Глава 5. Её звали Мира	17
Глава 6. Заговор против меня зрел незаметно	19
Глава 7. Солнце палило нещадно	22
Глава 8. У Степи есть клыки	25

Натали Крамм

Акхар. Это моя история

Глава 1. Я Акхар

Я Акхар. Это моя история.

Хватит этих красивых и мрачных легенд. Я не чудовище и не принц. Просто сын пастуха, который стал Великим ханом и хотел построить новое ханство. И да, для этого придётся пролить реки крови. Но неужели лорды Аркандэля проливают меньше, вводя новые налоги? А когда мясник убивает овцу на ужин?

Легенды никогда не передадут того, что я думал или ощущал на самом деле. Разве сказители были на моём месте, когда Хранители уничтожили моих лучших воинов-волкодавов и меня заодно? Разве они стояли вместе со мной, когда я в отчаянии орал на берегу Озера Мертвецов? Или может быть они подсматривали в замочную скважину, о чем именно я говорил с королевой? Или не говорил... Не важно!

Я Акхар. И точка. Великий хан, Хитрый волк, Улыбка смерти, Неодолимый и прочие прозвища... Всех и я не упомяну.

Это моя история. И если вам не нравятся сцены, где пьют, ругаются, дерутся, берут города в осаду, делят женщин и добычу — закрывайте книгу. Вам не сюда.

А если вы всё-таки решились — наливайте вина и садитесь у моего костра. Я даже спрячу нукари в ножны. Сегодня я воюю словом.

Кто такие степняки? Обычно нас всегда представляют суровыми воинами в кожаных доспехах, с кривым мечом-нукари на поясе. Узкоглазые, низкорослые, с кривыми ногами лошатники. Вечно пыльные кочевники.

Представили? Да, это мы, степняки. И я несколько от них не отличаюсь. Нет во мне роста под два метра, как любят иногда петь сказители. Я ничем не отличался... Или отличался? Хороший вопрос.

Я всегда знал, что не такой как все. Но покажите мне хоть одного человека, кто так не думает? Не буду утомлять подробностями детства и юности... Хотя... Нет, я передумал. Вспомнил историю про волка. Мне было десять лет...

В загоне блеяли овцы. Они чуяли кровь и смерть, их инстинкт кричал об опасности. Тупые животные не понимали: угроза уже миновала.

...Бой на рассвете вышел коротким — до жестокости коротким. Волк, уверенный в лёгкой победе, бесшумно подошёл к стаду с наветренной стороны, приюхиваясь к тяжелому запаху навоза. Но именно там, в высокой траве, скрывался охотник поменьше ростом. Там был я. И я ждал.

Когда хищник подкрался ближе, я рванул вперёд. Одним точным, выверенным ударом снизу вверх вогнал кривой кинжал прямо в сердце хищника. Тут же откатился вбок. Волчьи зубы щёлкнули в пустоте последний раз, так и не найдя свою жертву. Ха! Я улыбнулся. Клянусь вам, первый раз в жизни улыбнулся.

С холма спустился отец. Он не бежал и не кричал. Он медленно подошёл, словно подкрался и замер на месте. Его взгляд был мрачен и тяжёл. Отец смотрел то на меня, то на тело огромного зверя. Вообще я подозреваю до сих пор, что он меня никогда не любил. Я был слишком холоден и равнодушен к ремеслу пастуха, игнорировал просьбы последить за младшими братьями.

И вот тут я, с окровавленным кинжалом, стою, улыбаюсь под лучами рассветного солнца...

— Ты сам? — недоверчиво спросил он, хмурясь. Голос звучал хрипло.

— Да, — гордо ответил я. Мой голос не дрожал, он ликовал.

— Хмм... Знаешь, ты всегда меня пугал больше, чем волчий вой по ночам... Но сейчас я горжусь тобой. Я понял! Тебе не место в пастухах. Я схожу к шаману, если он согласится со мной, то отдадим тебя воинам. Пусть учат нукари махать.

Шаманы — люди загадочные. Я никогда не понимал их. Бьют в бубны, жгут костры, травы. Потом говорят с духами, но так говорят, что слышат только сами шаманы. И как им верить после этого?

Вот и шаман моего племени три дня делал загадочное лицо, смотрел на кости убитого мной волка, мазал красной охрой его череп. Что на самом деле поведали ему духи, пока он камлал — мне неведомо. А может шаманы всё-таки кого-то слышат?... Только понимают, что любое неосторожное слово способно испортить судьбу, поэтому так упрямо хранят тайны?

На третий день меня позвали. Я очень хорошо помню тот день. Ветер рвал тяжёлый войлочный полог шаманского шатра, словно сама Степь пыталась прорваться внутрь. Ей хотелось посмотреть на помазание нового воина. Может быть, духи и правда уже знали мою судьбу?..

Сегодня ветер гнал по небу тяжёлые тучи — скоро придут дожди. Внутри пахло сухими травами, тленом и едким потом. Я шагнул за порог, даже не моргнув. Для меня этот смрад был так же естественен, как и дыхание Степи.

— Акхар, Улыбка Смерти, — медленно произнёс старик. — Так тебя называли предки. Твой отец прав. Не место тебе среди овец. Твой путь — воина. Иди к Кагаиру, он обучит тебя.

Я склонил голову, стараясь сохранить равнодушное лицо, но в душе я плясал от радости! Наконец-то! Больше никаких овец.

Одно племя всегда жило вместе, одним стойбищем, так что от шамана до Кагаира мне нужно было прогуляться всего-то ничего, пять шатров, не больше.

Кагаир — мрачный степняк из ближних воинов вождя — лишь скользнул по мне пустым, оценивающим взглядом, каким смотрят на хромого лошадь.

— Маловат ты для воина, Акхар.

— Обучай меня, я убил волка, я уже всё доказал, — я ответил очень зло, дерзко глядя снизу вверх. — Меня шаман сюда отправил...

Удар сапогом под рёбра швырнул меня в пыль у шатра. Две молодые жены воина, разводящие огонь, захохотали в голос.

— Учись уважению.

Я сплюнул на землю алый сгусток крови пополам с грязью, поднялся на одно колено. Кристально чистая ненависть тогда завладела мной. Иначе я не могу объяснить, почему я так упрямо пытался убить этого старого воина.

— Шаман назвал меня воином!

Второй удар пришёлся в челюсть. Голова дёрнулась, и я рухнул навзничь.

Кагаир неторопливо вытер костяшки пальцев о штанину и склонился, оперев руки в колени.

— Ещё одно слово, малец... — его голос стал тише и оттого звучал ещё более угрожающе, — ...и я научу тебя уважать старших так, как этого не смог бы ни один шаман.

Ярость унижения подняла меня вновь. Забыв про боль, забыв про всё, я выхватил из-за пояса маленький нож и бросился на обидчика в отчаянной, самоубийственной атаке. Кагаир даже не потянулся за клинком — одним коротким движением руки он сбил меня с ног так, что я рухнул в пыль. Жёны вскрикнули в унисон.

Ударить снова Кагаир не успел. Земля под ногами дрогнула от тяжёлого, нарастающего гула, словно сама Степь зарычала в ярости. Со стороны дальних холмов донёлся многоголосый рёв, сливающийся в клич:

— Ракха! Ракха!

Лицо воина окаменело. Он медленно выпрямился. Кагаир зорко смотрел поверх шатров и дымящихся костров туда, где горизонт темнел от надвигающейся лавины всадников.

— Опять кхары...

Затем его взгляд упал на меня, барахтающегося в пыли. На мгновение в холодных узких глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Посмотри, так ли ты хорош в бою.

Жёны бросили готовку, затащили детей в шатёр. Мужчины вокруг засуетились, хватаясь за оружие.

— Если выживешь сегодня, возьму в ученики. А если нет, что ж... даже шаманы ошибаются.

От его спокойного тона стало не по себе, но так и должен говорить воин. Я запомнил это на всю жизнь.

Я кивнул, чувствуя, как по спине бежит холодок. Не страха — пьянящего предвкушения. Я забыл про боль, она отступила на время, спрятав острые коготки.

Из-за гребня холма на стойбище лавиной хлынули всадники другого племени. Лица кхаров были раскрашены алым в знак войны. Они кричали, вставая на спины несущихся галопом коней и натягивая луки.

Воздух наполнился вибрирующим гулом тетивы, и небо потемнело от десятков стрел, закрывших солнце смертоносным ливнем.

Мы, танхи, тоже умели воевать.

Дежурные воины мгновенно сомкнули ряды высоких щитов, приняв на них первый залп. Щелчок дерева о дерево прозвучал как единый удар грома. Дети с луками и ножами заняли позиции за повозками и шатрами, а совсем малышей женщины прятали под тяжёлыми пологам.

Мужчины выхватывали изогнутые клинки нукари — идеальное оружие для стремительной конной рубки. Некоторые степняки уже были в седле, другие запрыгивали на спины лошадей прямо на ходу, используя их как живые трамплины. Женщины, чьи лица стали жёсткими и суровыми, бросили домашние дела, вооружились луками и кинжалами и заняли места в общем строю рядом с мужьями и братьями.

У меня был свой конь. Беляк уже тряс гривой и ржал, чуя кровь. Я схватил лук со стрелами и запрыгнул ему на спину, не тратя времени на седло. Конь послушно пустился вскачь. Помню свой крик, я закричал так, что сородичи отпрянули с его пути. Я опять улыбался. Вот оно! Вот это моя стихия — галоп, опасность, враги. Холодное, чистое предвкушение.

Я не слышал криков за спиной — лишь свист ветра в ушах и гул собственной крови. Я был один. И это было правильно. На миг глаза залила кровь из рассечённого лба, но я быстро стёр её рукавом, не теряя темпа.

Мои стрелы летели по дуге, с тонким, смертоносным свистом прорываясь сквозь встречный ветер. Они не знали промаха. Каждая находила уязвимое место в защите, сбивая врага с коня ещё до того, как тот успевал приблизиться на расстояние удара.

Жаль. Бой был коротким. Слишком коротким. Враги быстро развернули коней и ускакали, оставив своих мёртвых нам. Я пошёл выдирать из трупов стрелы, проверяя их на излом. Стрелы я всегда берёг, потому что очень не любил их каждый раз выстреливать заново.

Краем уха я услышал как Кагаир говорит с Ранданом, нашим вождём.

Вождь подъехал ближе к Кагаиру и вполголоса сказал:

— Что-то они зачастили...

— Место тут слишком хорошее. Люди говорят, после дождей будет засуха.

— Надо собирать племена на Рог-танат и говорить о мире. Эх, давно у нас не было Великого хана... Нет хана - нет единства. Порежем друг друга на радость королевским шакалам Арканделя.

Он пришпорил коня, направляясь обратно к стойбищу, не сомневаясь, что Кагаир следует за ним. А я запомнил это слова накрепко. Нет, мы не порежем друг друга, мы порежем аркандельцев.

Рог-Танат собрали. Я был мальчишкой и лишь наблюдал со стороны. Всё очень быстро превратилось в пьянку с криками и проклятьями.

Союз между танхи и кхари, не поделившими плодородные земли? Да, его заключили после второй бочки кумыса.

Глава 2. Сбор всех племен великой Степи

Сбор всех племен великой Степи

Сбор всех племен великой Степи всегда занимал время. Степняки могли вставать на стойбища за десятки кочевок от Рог-таната, кургана Великого Хана Тагинраха Свирепого. Сигналом служил особый дым. Шаман разжигал три костра, и знак был виден всем, кто поблизости. Увидел — разжигай свои три.

На время Рог-Таната запрещены войны. Даже мысли о них под запретом. У кургана воцаряется хрупкий мир: вожди молча меряют друг друга взглядами, оценивая будущих врагов.

Когда по горизонту вдоль границы начинали полыхать цепочки огненных точек, королевские дозорные проверяли оружие и припасы. Во дворец мчались гонцы с тревожными вестями, а казначей вводил новые сборы на содержание армии. Королевство Аркандэль затихало в предчувствии бури.

Но чаще всего буря проходила мимо. Степнякам хватало своих проблем.

Прошло шесть лет с того сбора после атаки кхари. И я решил сам собрать Рога-Танат. Оставалось только найти причину...

В шестнадцать лет я прошёл обучение у Кагаира, получил свой нукáри, кожаные доспехи... и убил вождя своего племени. Так я стал убийцей и отличным поводом снова устроить пьянку. Или, если вам так хочется пафоса, — поводом для показательного суда на Рог-Танате.

...Трое охранников ворвались на хрип вождя. Они увидели меня, мою улыбку и окровавленный нукáри. Рандан умирал на полу, пытаюсь зажать перерезанное горло. Кровь впитывалась в дорогой красный ковёр. Говорят, его украли из королевского дворца.

«Ха! — подумал я. — Я украду лучше».

Я ничего не отрицал.

— Я убил предателя.

Когда эти псы попытались убить меня, я перерезал глотки им и тем, кто пришёл следом. Хладнокровно. С отработанной точностью.

Я на пару часов остался один в шатре среди трупов. Боялся ли я? Нет, не смешите моего коня! Страшнее было в горах, где Кагаир оставил на месяц без еды и оружия. А тут... Трупы не умеют охотиться как пумы и не убегают как олени. Лежат и лежат. Это было... даже немного скучно.

В шатёр без оружия на переговоры отважился зайти только Кагаир. Он встретился со мной взглядом и спросил:

— Зачем?

— Я убил предателя.

Кагаир сплюнул на пол.

— Надо было оставить его в живых и заставить повторить слова предателя перед всем племенем!

Я покачал головой.

— Нет. Предательство карается смертью. Сразу.

Кагаир долго смотрел на меня. И я понял, наконец-то он перестал видеть во мне лишь ученика. Он видел теперь своё собственное, доведённое до абсолюта, отражение. Он видел достойного воина.

А затем его железное терпение лопнуло.

— Ты всегда был странным... Но это перебор! Ты понимаешь, что тебя будут судить?!

— Да. Пусть везут на Рог-Танат.

— Тебя там разорвут лошадьми или протасят по степи. Никто не поверит, что наш вождь был предателем!

— Сначала мне дадут слово. Поверь, я знаю, что сказать.

— Послушай... — Кагаир внезапно заговорил тихо и проникновенно, будто на миг стал другим человеком. — Ты выдержал все мои испытания. Ты не плакал, не просил и не каялся, а из Мёртвых гор принёс шкуру пумы — редкую вещь. И ты не глуп. Почему ты просто не дождался сбора и не попросил слово?

— Потому что вы его редко собираетесь и не даёте слово молодым. Я устал ждать. Я буду говорить со всеми. Я знаю, что нужно сказать.

На судилище племени собрались быстро. Меня привезли как барана на убой — связанным, в повозке. Размяться позволяли редко, лишь ночью на стоянках. Тело затекло так, что каждый ухаб отдавался болью во всех суставах.

А когда лагерь засыпал, оставляя лишь пару сонных псов у костра, к моей повозке подкрадывались они. Приносили свежее мясо вместо тюремной баланды, новости... и веру в меня.

Ночь была моим временем. Пара дежурных у костра клевала носами. У моей повозки шевельнулась тень.

— Лови! — шепнул Тамир, перебрасывая мне что-то увесистое. В руку упал свёрток с холодным мясом.

Следом из темноты беззвучно возник Хитар. Он ничего не сказал, лишь оперся плечом о колесо повозки и стал пристально всматриваться в сторону караульных.

Тамир же присел на корточки рядом, возбужденно блестя глазами даже в темноте. Его усы были как всегда аккуратно расчёсаны.

— Слушай, что говорят... Говорят, кхари хотят забрать наших танхи себе.

Я промолчал, продолжая жевать.

— А ещё говорят... — он понизил голос до едва слышного хрипа, — ...говорят, ты безумец, который погубит всю Степь.

Я усмехнулся в темноту. Хитар, услышав это, медленно повернул голову и посмотрел на меня тяжелым, оценивающим взглядом. Не осуждающе. Скорее... прицениваясь.

— Пусть говорят, — наконец ответил я, бросая обглоданную кость за борт повозки. — Главное, чтобы боялись.

Чаще всего приходили именно они, Тамир и Хитар. С обучения у Кагаира повелось: самую дурацкую идею придумываю я, а расхлёбываем вместе. Если попадались — получали все разом. Если нет — так же вместе праздновали удачу за стойбищем.

Остальные, вроде Кригара и Хнара, ждали Рог-Танат.

Это были молодые волчата из моего племени, бредившие походами на Королевство, богатой добычей и доступными девками. Таких я уже набрал десяток. А сколько ещё соберу по всей Степи? Нужно только крикнуть громче, чтобы даже глухие услышали.

Уже тогда мой десяток называл себя ближниками. Я же звал их «волкодавами», как Тагинрах своих псов. Мои люди. Пойти за мной? Да хоть к демонам в гости! Им было плевать куда. Но сейчас они... Они присматривались, принюхивались.

Мои волкодавы хотели посмотреть, что же я придумал.

А я придумал! Даже сейчас улыбаюсь, когда вспоминаю! Да, сначала я испугался. Идея пришла внезапно на рассвете и заставила весь день ходить с больной головой. Но что мне терять?! Нукари? Коня? Жизнь в неизвестности?

У степняков нет книг — лишь сказания у костра. Тогда я не умел читать... но слушать умел всегда. Я понял: истории — это оружие. А если для победы нужно солгать... что ж, так тому и быть. Чем грандиознее ложь, тем охотнее в неё поверят.

Глава 3. Рог-Танат вершится при свете дня

Рог-Танат вершится при свете дня. Ночь — для злых духов и кумыса. День — для мудрых решений.

Тот день начался как самый обычный суд. Племена собрались у подножия кургана, высокого, как вековой дуб на границе с Королевством.

Я же... меня выволокли в центр круга на верёвке. Как паршивого пса. Две недели в повозке под палящим солнцем сделали своё дело: я был грязным, вонючим и голодным. И я точно не был похож на героя легенды.

Нукари у меня отобрали. На поясе висели пустые ножны. Клинок положили поодаль. В случае приговора его сломают. Меня уведут на казнь.

Мне нужно было успокоиться... Сейчас не время для ярости...

Я стоял с закрытыми глазами, подставив лицо ветру. Вдыхал запах свободы: пряный шалфей, горькая полынь... Если прислушаться — шорох травы, плеск рыбы на отмели...

...А затем этот покой взорвали крики сборища. Я слушал их гнев, впитывая каждую каплю. Я различал голоса:

— Убийца!

— Предатель!

— Давайте выслушаем...

— К лошадям прикрутить, чего его слушать!

Я открыл глаза. И улыбнулся толпе.

В круг вступил шаман племени. Он был так стар, что молодые напрочь забыли его имя. И я в том числе. Старик в пёстрых шкурах тяжело опирался на посох. Но его голос ещё был силен. Он заставил замолчать крикливую толпу.

— Свободный народ Степи! Прошу рассудить мудро! Вождь танхи Рандан Дуболом мёртв. Его убил молодой воин Акхар и не отрицает этого. Но! Акхар клянётся, что Рандан был предателем...

Голос старика дрогнул, он с трудом перевёл дыхание. Эх, дедушка... На покой пора. Я отлично знал, что по закону мне полагалось лишь кивать головой. Нужно молчать до самого конца суда, пока не выскажутся все и не обвинят меня во всех степняцких грехах.

Но что мне эти традиции? Их время ушло. Я вдохнул, выдохнул, приводя мысли в порядок, и перехватил слово:

— ...и убил он его заслуженно!

Степняки онемели от такой наглости. Казалось, даже лошади стали тише жевать сено и прислушались. Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на их растерянные лица. «Попались, — подумал я. — Вы все попались. Вы будете слушать меня!»

В этот момент я лишь проклинал свой возраст, голос-то был совсем юношеский, с противным изломом. Но его звук бил наотмашь хлыстом.

— Свободный народ! Я точно знаю, Рандан был предателем. Он отправлял наших воинов в Королевство и хотел продать нас всех за золото!

Доказательства? Совсем недавно в Королевстве была лихорадка, косившая целые деревни. У нас её не было. Мы прекратили набеги и никого не подпускали к стойбищам. А потом у нас умер один из ближников вождя. И это была та самая лихорадка! Откуда она, как не из Королевства?

Я пришёл к нему с вопросами. И знаете, что он мне предложил? Место погибшего! Сказал: Королевству нужны наши клинки, и они дают хорошую цену.

В толпе люди переглядывались, но пока ещё молчали. Они жадно ловили каждое слово. И я почувствовал. Именно в тот момент я почувствовал, как легко управлять толпой! Эта ярость становится осязаемой. Она становится кулаком, который ты направляешь своей волей.

— Я отказался! Зачем мне подачка с королевского стола, если я этим клинком могу добыть столько золота, сколько унесёт моя лошадь?!

По рядам молодых воинов прокатился смешок. Даже самые суровые ветераны Рандана прятали в густых усах усмешку. Мои слова им явно понравились. Я видел отражение своей ярости в их глазах.

Я косил взгляд на старого шамана. Тот больше не опирался на посох. Он стоял прямо, и в его глазах я увидел то, чего никак не ожидал. Одобрение.

Но один из ближников всё же засомневался. Седой, но всё ещё крепкий Витхар шагнул вперёд:

— Ты бросил тень на всех нас. Я первый раз слышу, чтобы наши клинки пытались продать!

— Да кто ж из вас теперь признается, — насмешливо бросил Кагаир.

Он скрестил руки на груди. Его опытный взгляд уже давно заметил, что мои верные псы придвинулись ближе, выступив в первый ряд круга.

Они ждали знака.

— Мы можем долго обвинять друг друга! — я снова заговорил, чувствуя, как голос хрипит от напряжения. — Ходят слухи, в других племенах тоже есть заболевшие. Может, и другие вожди решили продать нас?

Шёпот недоверия в толпе стремительно перерастал в гневный рокот.

— Освободите меня!

Это был не крик и не просьба. Это был мой приказ.

Десять верных волкодавов резко шагнули внутрь круга. Их движение было синхронным и пугающим. Тамир быстро и профессионально разрезал верёвки на руках. Я медленно сжал и размял затёкшие пальцы, глядя, как Витхар бледнеет под моим взглядом.

Я наконец-то подобрал свой клинок, ощущая привычную тяжесть, и медленно выпрямился во весь рост. Первый и самый трудный шаг сделан.

— Нас никто никогда не купит! Я убью любого, кто предаст нас! А Королевство... Что они могут без своего золота? Они хотели нас купить? Так давайте заберём их золото себе! Честно. В бою!

Моя рука с зажатым нукáри указала чуть расширенным острием на запад, туда, где за горизонтом лежала ненавистная столица королей. Клинок был залит кровью убитого вождя. Его нельзя было чистить до суда. И сейчас он казался символом справедливости.

Толпа взревела. Это был уже не гомон, а единый, сотрясающий землю рык тысяч глоток.

— Акхар! — взревели степняки.

Замерев, я ждал тишины. Когда толпа чуть стихла, я бросил в неё свой последний козырь, свою главную ложь, которая станет правдой:

— Будут духи предков мне свидетелями! Я заберу Королевство и отдам его вам! Я знаю, как сломать их хребет! Вся добыча — ваша! Мы с вами сила, и мы построим новое ханство! Оно будет простираться от моря до моря, вся Степь и всё Королевство будут нашими!

Это был удар ниже пояса. Обещание богатства лучше любых призывов к чести. Рокот превратился в цунами.

— Акхар! Акхар!

Моё имя гремело над курганом, заглушая ветер. Я стоял посреди этого моря ярости, тяжело дыша. Я подошёл к подножию священного кургана и впервые искренне улыбнулся. Мне тут больше некого ненавидеть. Они все — мои люди, а не стадо баранов.

Я медленно, почти благоговейно, воткнул свой нукáри в сухую, твёрдую землю у подножия кургана. Клинок вошёл со скрипом, оставшись стоять ровно, словно копье. Этот жест обычно делал старейший из вождей или Великий хан — знак того, что Рог-Танат завершён и пролитая кровь смыта миром.

Но сегодня мир не наступил.

Сегодня началась война.

И её объявил я, Акхар, Хитрый Волк.

Глава 4. Пир был в самом разгаре

Пир был в самом разгаре. Орда упивалась моей победой, кумысом и даже дорогим вином из запасов самых могущественных вождей и племён. Костры пылали до небес, освещая раскрасневшиеся лица воинов. Тамир уже затеял пьяную драку за право первой ночи с какой-то красоткой из другого племени, а Кригар мрачно наблюдал за этим со стороны, как всегда пристально щурясь. Он постоянно ждал от Тамира какой-то выходки, от которого того нужно спасать.

Я лишь усмехнулся в свою чашу с кумысом. Вечно одно и то же. Но сегодня я был слишком пьян и слишком доволен жизнью, чтобы вмешиваться. Пусть развлекаются.

Я вышел из главного шатра, чтобы вдохнуть прохладный ночной воздух... и замер.

Тишина давила на уши после грохота пира. Ни шороха травы, ни треска костров. Лишь стук собственного сердца. А потом я почувствовал их. Запах чужого пота и ненависти, который не мог заглушить даже аромат жареного мяса.

Я шагнул в темноту, подальше от шума...

Чья-то рука грубо зажала мне рот, дёрнула назад, во тьму между шатрами.

— Тише, хан... Не шуми.

Из тени выступили трое. Их лица были знакомы. Старые вожди, чьи племена я заставил склониться у Рог-Таната. У того, что стоял в центре, через всю щеку шёл старый шрам от ожога — память о проигранной схватке. Легендарный Ашхар Молот из волчьего племени.

— Ты хорошо говорил там, на поле, мальчик, — прошипел вождь со шрамом. Его рука лежала на поясе рядом с кривым нукари. — Но слова — это ветер. А сталь... сталь решает всё.

Двое других молча шагнули вперёд, отрезая пути к отступлению. Они ждали, твари. Ждали момента слабости. В темноте мои глаза, должно быть, блеснули тем же светом, что и Озеро Мертвецов из старых песен — льдом и ненавистью. Иначе почему они замешкались?..

Я усмехнулся. Безумие битвы всё ещё кипело в крови. Да, я оказался без оружия, в темноте и без верных псов. Но сила была при мне.

— Вы пришли мстить? Или обосрались, что юнец покажет вам, как нужно править?

...Мне не простили такую дерзость!

Вождь со шрамом рванулся из темноты. Кинжал метил снизу вверх, в подбородок.

Но удар так и не достиг цели.

Тень справа метнулась быстрее мысли. Хитар. Он появился словно из ниоткуда. Лезвие его меча описало короткую дугу и встретилось с рукой нападавшего. Раздался влажный хруст, и кисть с кинжалом упала на землю.

Второй нападающий замахнулся топором, но получил мощный удар кулаком в горло от материализовавшегося слева Тамира. Воин захрипел и рухнул на колени.

Третий, видя судьбу товарищей, замешкался лишь на секунду. Этого хватило. Я подхватил выпавший кинжал поверженного вождя. Скользнул вперёд. Прижал лезвие к горлу последнего заговорщика. Я не привык оставлять противников в живых.

Всё закончилось за три удара сердца. Страх не было. Только холодная уверенность. С такими волкодавами я мог бы завоевать весь мир.

В свете костров мы втроем стояли над стонущими телами своих врагов. Двое из них были ещё живы.

— Я же говорил, — тяжело дыша, сказал Хитар, вытирая клинок об одежду своей жертвы. — Нужно быть осторожнее.

Тамир сплюнул в темноту:

— Трусливые шакалы. Втроем на одного! Герои, твою мать...

Я посмотрел на Хитара:

— Спасибо. Я твой должник.

Затем перевёл взгляд на Тамира:

— Найди всех, кто был с ними в сговоре. Тихо. До рассвета они должны присягнуть мне на верность... или присоединиться к ним.

Я обвёл взглядом лица своих друзей. На них не было ни жалости, ни сомнений. Только готовность исполнить волю хана.

Война только начиналась.

Рассвет выдался серым и промозглым. Холодный ветер гонял по вытоптанной земле пепел вчерашних костров и обрывки праздничных лент. Воздух пах сыростью, конским навозом и кислым перегаром.

Стойбище приходило в себя после попойки. Пастухи уже возились со стадами, это было видно по клубам пыли на горизонте. Перекликались женщины, разводившие небольшие костры у шатров, чтобы приготовить еду на день.

В центре тоже всю кипела работа.

Я стоял у подножия кургана, скрестив руки на груди. Ночь быстро отрезвила не только меня. Рядом застыли Хитар и Тамир. Их лица были мрачны — они знали, что предстоит.

Вокруг холма быстро складывали дрова. Огромные поленницы росли одна за другой. Воины, которым было поручено это дело, работали молча, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Им явно было не по себе. Учтём... внутри Орды враги нам не нужны. Это может привести к большему раздору.

Заговорщиков оказалось больше, чем трое напавших ночью. Я сразу заподозрил Витхара, он явно тоже участвовал в заговоре... С него мои волкодавы и начали. И не прогадали. Тамир взял себе в помощники Кригара и Хнара, тех ещё отбитых головорезов. Они до рассвета «поговорили» и с Витхаром, и со многими старыми вождями. Кто-то сломался сразу, выдавая имена союзников из страха. Кто-то ещё поторговался, пытаясь сохранить жизнь.

В итоге к утру передо мной поставили два десятка связанных степняков. Некоторых подерживали товарищи — они едва стояли на ногах от ран. Скорее всего, это Хнар постарался. Я медленно обвёл взглядом их лица — испуганные, злые, окровавленные. Единство Степи требует жертв. И сегодня я был готов их принести.

— На колени, — мой приказ уже никто не мог игнорировать.

Толпа, собравшаяся вокруг, замерла. Люди кутались в халаты и балахоны из овечьей шерсти, протирая глаза. Они пришли посмотреть, чем закончится ночь. Никто не знал, чего ожидать.

Пленники подчинились. В их глазах читалась то ненависть, то животный ужас.

Я медленно прошёл вдоль ряда коленопреклонённых вождей. Мне уже не надо было кричать. Я чувствовал, что меня и так слушают:

— Я дал вам выбор вчера. Вы выбрали сталь. Значит мой выбор — огонь.

По толпе пронёсся гул одобрения. Кто-то выкрикнул: «Сжечь предателей!».

Я остановился напротив старого вождя со шрамом. Тот поднял голову. Его единственный глаз пылал яростью. Он держал на перевязи окровавленную руку без кисти.

— Ты умрёшь! Орда никогда... — договорить он не успел.

Молниеносным движением я выхватил нукари и одним ударом снёс ему голову. Обезглавленное тело рухнуло в грязь. Голова откатилась к ногам Витхара, который побледнел так, что казалось, его сейчас вырвет.

Это был сигнал.

Без дальнейших слов волкодавы схватили первого заговорщика и поволокли его к ближайшей поленнице. Он кричал, извивался, сыпал проклятиями, но его быстро привязали к столбу.

Хитар шагнул вперёд с факелом в руке. Он ещё раз посмотрел на меня, я уловил проблеск сомнения. Кивнул. На миг где-то под сердцем поселился страх — а если ослушается?..

Но нет.

Первый столб вспыхнул мгновенно. Пламя жадно лизнуло сухие дрова и взвилось вверх, охватывая человеческую фигуру. Дикий, нечеловеческий вопль пронзил утреннюю тишину и оборвался, сменившись тошнотворным запахом горячей плоти.

Один за другим загорались новые костры. Десять, пятнадцать... Весь курган превратился в погребальный помост для непокорных.

Гнойник нужно было вырезать. Иначе он отравил бы Орду! Мне самому было тошно смотреть, как горят одни из лучших воинов. Они мне были нужны на поле битвы, а не на кострах. Зато Орда получила свой урок. Никто не смеет оспаривать мою власть!

Как покажет вам следующая история, испортить всё мог только я сам.

Глава 5. Её звали Мира

Её звали Мира. И встретил я её на том же самом Рог-Танате. На закате того дня, когда сжёг предателей. У меня гудела голова, ломило висок... Я наверно просто плохо соображал. Но этот миг я запомнил. Она стояла в толпе подружек, о чем-то болтала. Её черные волосы были сплетены в две косы, а потом в две, как это принято у сосватанных невест из орлиного племени.

Я пытался отвлечься от боли в виске и яростно чистил Беляка. Тот иногда недовольно фыркал. Наверно, я слишком сильно тёр ему бока. Но коня я в любом состоянии чистил и кормил только сам. Это был верный друг. Когда мне было семь лет, он случайно забрёл из Степи к стойбищу моего племени и сам подошёл ко мне. Он меня выбрал.

...А тут я остановился. Просто замер со скребницей в руке. Боль в виске отступила, смытая чем-то другим. Чем-то новым.

Тамир, чистивший упряжь рядом, заметил моё состояние. Он глянул шальным глазом сначала на меня, потом туда, куда был устремлён мой взгляд... и понимающе хмыкнул.

— А девочка-то ничего, — протянул он вполголоса, чтобы слышно было только мне. — Из орлиных, говорят, горячие... И уже сосватанная! Повезло кому-то.

Я молча ткнул его локтем в бок, отчего Тамир картинно охнул. Но сам при этом даже не обернулся, продолжая украдкой наблюдать за ней.

Тень Хнара легла на Беляка. Я вздрогнул. Незаметный, низкого роста степняк мог бы стать идеальным шпионом-убийцей. Он крался так незаметно и неотвратимо, что казалось мог быть убит любого. Даже хана... Хмммм. Я опять переключился на незнакомую девицу. Хнар как всегда равнодушным тоном спросил:

— Рассказать про неё?

— Откуда знаешь?

— Говорили сегодня про неё у реки, когда коней поили. Её за вождя сосватали.

— Перекупай, золото есть. Будет тебе первая жена, — Тамир оскалил в улыбке идеально ровные зубы, редкость среди степняков. У него явно в роду были аркандельцы! Хоть он это и яростно отрицал.

А она словно почувствовала мой взгляд. Обернулась. На миг наши глаза встретились... и она тут же отвернулась, вспыхнув румянцем и спрятав лицо за плечом подруги.

А я... я внезапно первый раз в жизни покраснел.

— Сдалась она мне... — проворчал я, на четвертый раз проходя скребком по тому же боку. Недовольный Беляк уже начал прикусывать мне ногу.

— Да отстань ты! — я локтем отодвинул коня. Тамир и Хнар переглянулись и довольно заржали.

Я получил оглушительный хлопок по спине.

— Ну ты попал, хан! — гоготнул Тамир над самым ухом так, что я чуть не упал.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь им в ответ. Впервые за много дней — искренне.

Я её перекупил в тот же день, не дожидаясь заката. Отдал всё, что мне причиталось из ночной добычи. Как мне потом рассказал, похохатывая, Тамир, предыдущий жених сам отказался от своих притязаний, как только узнал, кто перешёл ему дорогу. Видимо, не захотел умирать...

Её отец был очень доволен, а вот Мира... Мира была испугана, ошарашена и стояла передо мной с таким видом, будто на смерть привели. Да, сильно я устроил всех степняков показательной казнью... Наверно, думала, что отдали в лапы чудовищу.

Стыдно сказать, свадьбу не помню. Я всё на неё смотрел. А она стыдливо пряталась за новый красный платок с золотым шитьём, символ замужества. Гости напились, наелись, нас спровадили в отдельный шатёр, а сами продолжили праздновать.

Я сидел в темноте, слушая пьяные песни снаружи, и смотрел на её силуэт. Она казалась такой маленькой и хрупкой рядом со мной. Весь мир мог сгореть в огне, но здесь, в этом шатре, я хотел лишь одного — чтобы её страх сменился доверием.

Даже не знаю, что тогда её так развеселило: руки, которые я не знал куда деть, поглопивший добрый взгляд или лёгкое заикание, которое так внезапно меня поразило, когда мы остались одни.

Я помню её смех, и как она смело сняла платок со словами:

— Только не думай, что теперь я тебя боюсь...

И вот там, потом, я понял, что такое любовь...

Она была прекрасна, нежна как цветок. Она покорила меня своей мягкостью. Не сталью, не умом, а именно своей женственной мягкостью. Может быть, это была простая юношеская влюблённость, но я не забуду её никогда.

Месяц пролетел незаметно. Орда откочевывала к границе, в походных кузницах ковали новые нукари. Мастера делали новые луки, строгали тысячи стрел. А я... стыдно сказать, я был влюблен и глуп.

На третий день я поймал себя на том, что улыбаюсь, глядя, как она пытается оседлать мою самую норовистую кобылу. «Это ж не овца!» — ворчал я, но внутри всё пело. Она обернулась и показала мне язык. И я понял — притворяется, хочет, чтобы помог, прикоснулся, обратил внимание. А внимание моё и так было сосредоточено только на ней. Я даже начал забывать проверять, отравлена ли моя еда. Дурак. Счастье сделало меня слепым.

Может быть, по юношеской горячности я бы надел бед, отступил от плана. Но Мира умерла. Видимо так рассудили духи, запустив в её сапог ядовитую змею...

Я помню только холод. Не тот, что шёл от утренней степи, а тот, что сковал всё внутри после того, как я разжёл для неё погребальный костёр.

И потом, в череде побед и праздничных оргий, я искал тот отзвук. И не находил. Ни одна красotka не вызывала ничего, кроме обычной мужской похоти. Наверно, Мира украла всё лучшее, что было...

Говорят, чтобы построить новый дом на холме, нужно сначала спалить старый дотла. Духи знали, что делали. Они забрали у меня свет, чтобы я перестал бояться тьмы. Но иногда по ночам мне всё ещё слышится её смех.

Не знаю, зачем я вам рассказываю это... Может быть разговорился, уж очень у нас с вами тут хорошее вино. А может хочу сказать, что не такая уж я бесчувственная скотина...

Да ладно! Чего загрузили?

Клянусь предками, сейчас вы забудете эту сопливую чушь! Налей мне вина и слушай, как мы развлекались по-настоящему. Про то, как я сжёг свою первую деревню и уничтожил заговорщиков.

Глава 6. Заговор против меня зрел незаметно

Заговор против меня зрел незаметно. Наверно, я был слишком поглощён горем после смерти Миры. Я не видел, как в тени шатров шепчутся те, чья преданность была куплена страхом, а не верой.

Я тренировался. Помню, я много тренировался с нукари, изрезав все деревянные столбы. Истыкал все мишени стрелами, многие из них ломались из-за того, что я не всегда рассчитывал силу. Помню запах свежего дерева и стружки — я выстругивал себе новые стрелы взамен сломанных. Кропотливая работа занимала руки, очищая мысли.

В те дни я жил как волк-одиночка. Помню, как однажды Хнар, появившись из ниоткуда, как всегда, доложил о сваре среди мелких племён. Я отмахнулся. «Разберись сам», — сказал я ему и снова натянул тетиву. Слишком сильно. Очередная стрела с жалобным треском сломалась. Я швырнул обломки на землю. Досадная мелочь, которую я проигнорировал.

На Беляке часто катался. Иногда даже один. Хотя Тамир и ворчал, что негоже хану одному галопом по Степи скакать. А мне было всё равно.

На рассвете я любил ускакать подальше от пыли тридцати двух племён. Там, наедине с собой, я мог не быть Великим Ханом. Я мог не принимать решений, не видеть заговорщических взглядов и не чувствовать себя запертым в клетке. Там я был просто всадником.

В эти часы Степь принадлежала только мне: прохладный ветер бил в лицо, а тишину нарушал лишь мерный стук копыт и крики первых степных птиц.

Да, у степняков множество племён. Больших и маленьких, воинственных и тех, кто предпочитал больше торговать, а не воевать. У каждого — свой шаман, свой вождь, свои правила и даже ритуалы. Большая проблема Орды заключалась в этих мелких различиях.

Воины из орлиного племени шли в бой только под красными знамёнами, веря, что так они не потеряют друг друга в пыли. Танхи же чтили солнце и поднимали жёлтые стяги. Каждый клан держался за свои традиции, как за щит.

Я быстро решил эту проблему.

Моим приказом по стойбищам разослали ткань и краску. Единое знамя. Чёрное — цвет ночи и тайны. А на нём — золотой нукари.

Всем было приказано пошить единое чёрное знамя. На нём был изображён золотой нукари, воздетый к небу, словно воин на стяге готов нанести удар. Он стоял вертикально, остриём вверх, и на ветру казалось, что это не просто рисунок, а тысячи рук, сжимающих оружие.

В тот день, когда новые знамёна поднялись над Степью, даже самые гордые вожди замолчали. Они поняли: это не просто символ единства. Это было объявление войны всему миру. И скоро этот мир услышит лязг нашей стали.

А еще по молодости я даже не понимал до конца, как это сложно заставить орду двигаться в одном направлении. Это же целое переселение народов получилось! Обычно каждое племя кочует себе потихоньку по Степи, подбирая лучшее место для стойбища. Потом оно встаёт, окапывается, расставляет шатры, возводит линию обороны, строит загоны.

Собранные под моим знаменем племена гнали и коров, и овец, и коз. Помню, над горизонтом за нами всегда стояла завеса пыли, поднятая тысячами копыт. И это еще не считая, сколько пыли поднимали кони и повозки! Сам воздух гудел от низкого мычания, блеяния и ржания — это была настоящая какофония живого моря.

Сложнее всего было с овцами. Они жрут траву до корня, после них ни конь, ни корова не найдут еды. Но мы приспособились, отгоняем стада подальше от стойбища. А наши воины готовы по первому сигнальному костру прискакать на выручку.

В особо беспокойные года войны ночуют вместе со стадом. Я и сам провёл так не одну ночь. Тогда это казалось мне скучной повинностью. А сейчас я вспоминаю те ночи под звёздами даже с некоторой теплотой.

Что, заметно, что я сын пастуха?

Теперь же по моей воли разные племена шли рядом друг с другом. Чаще всего они вставали каждый своим стойбищем, но уже доходили слухи, как некоторые воины разного племени побратались. Наверно, Степь и общее дело сказались...

Ко мне, как к хану пошли просители, жалобщики, сплетники... Не проходило и дня, чтобы кто-то не пытался спросить моего совета. Наверно, я еще и от них пытался сбежать.

Но постепенно эти просьбы возвращали меня в реальность. Сложно уходить в свои мысли, когда то и дело подходит Тамир:

— Я, конечно, твой советник, но тут без твоего решения никак...

Или Хнар предлагает пойти на охоту:

— К востоку видели оленей. Жирная добыча, многих накормим.

Кагаир придёт байки потравить:

— Помню, еще при Рангане Предателе собрались мы пастбища отбить у кхаров...

На смену бредовой юношеской уверенности, что Великий хан — это тот, кто воюет, пришло понимание, что я теперь в ответе за всех.

«Раньше я думал, что моя сила — в клинке, — думал я, слушая очередного старика, спорящего из-за пропавшей коровы. — Нет: сила хана — в том, чтобы решать такие споры. Иначе эта Орда сожрёт сама себя изнутри».

Я не мог отмахнуться, будь это вопрос о том, кому принадлежит овца без клейма, или решение о количестве нукари, которые нужно ещё выковать, или отправление разведчиков в Королевство.

Эта рутина стала моим якорем. Пока мои мысли были заняты чужими бедами, у меня не оставалось времени на собственное горе. Ответственность за тысячи жизней оказалась тяжелее любого меча, но именно она не дала мне сломаться окончательно.

Ночь укрыла Орду непроницаемым покрывалом. Вдали от главного шатра, где спал (или думал, что спит) молодой хан, в темноте сошлись четыре тени.

Тамир, прислонившись к опорному столбу, пересказывал то, что услышал у костров. Кригар своим тяжёлым взглядом подтверждал слова о золоте и тайной чистке оружия. Хнар, как всегда безмолвный, добавлял детали, собранные из шепотков слуг. И лишь Хитар молчал, но его молчание было тяжелее любых слов.

Когда заговор был раскрыт, слово взял старый Кагаир. Верные псы хана сами пришли к нему за советом, ведь он был самым мудрым воином и советником Акхара. Его слово могло стать решающим. Он не кричал. Его тихий голос в ночной тишине звучал как приговор.

«Мы не будем ждать», — решил он.

Я проснулся от того, что кто-то грубо тряс меня за плечо. Это был Хитар. Его лицо было мрачнее тучи.

— Вставай, хан. У нас проблемы.

В его глазах не было и тени сна.

В шатре пахло ночной прохладой и тревогой. У небольшого стола, заваленного старыми картами, уже стояли Кригар и Тамир. Последний выглядел непривычно серьёзным и собранным.

— Говори, — мой голос был хриплым со сна.

Тамир шагнул вперёд.

— Я пил с воинами у западного костра. Слышал разговоры... бунт... новый хан.

Кригар перебил его:

— Я видел передачу золота. И видел... Воины из племени ястреба чистили и проверяли оружие глубокой ночью. Не луки. Короткие клинки. Для удара в тесноте шатра.

Я перевёл взгляд на Хнара. Ему не нужно было ничего говорить. Если он здесь — значит, слухи верны.

— Сколько их? — спросил я.

— Достаточно, чтобы попытаться, — ответил за всех вошедший Кагаир. — Но недостаточно, чтобы преуспеть. Несколько шатров в западной части лагеря стоят слишком плотно друг к другу. Как будто их сдвинули, чтобы скрыть происходящее внутри.

...И тут я вспомнил.

Вчера ночью. Тот тихий шёпот за пологом шатра, на который я не обратил внимания. И тень, скользнувшая у входа — я тогда решил, что это просто часовой сменил позу.

«Говорили сегодня про неё у реки...» — эхом прозвучали в голове слова Хнара из прошлого. Я не был слеп. Я просто не хотел видеть, оставшись мыслями в тот короткий миг жизни, пока была жива Мира. Я думал о Мире... но этот шёпот был реальнее. Эта угроза была здесь и сейчас. А значит, у меня нет права быть слабым.

Это покажет, что горе никуда не делось, но долг оказался сильнее

На лицах моих псов не было страха — лишь готовность к охоте.

Я поднялся на ноги, чувствуя, как отступает оцепенение. Мой голос был обманчиво спокоен:

— Покажите мне этих крыс.

Мечь была бешеной, яростной... Я даже не в силах это описать. Сейчас, вспоминая, я понимаю: эта горстка заговорщиков из племени ястребов просто оказалась крайней. Мне нужно было выместить на ком-то свою боль и злость. И они стали идеальной мишенью.

Мы ударили на рассвете. По одному моему слову собралась сотня самых верных волкодавов — тех, кто не задает вопросов. Мы окружили пять шатров на западной окраине стойбища. Они даже не успели выставить часовых. Тупые, самоуверенные курицы, а не ястребы.

Драка была короткой. Очень короткой.

Я помню треск разрушаемой плоти и хрящей. Помню, как мой нукари с чавкающим звуком выходил из тел. Помню их крики, когда мы врывались в шатры, где они спали, уверенные в своей безнаказанности. Они любили украшать себя перьями... Мы их повыдергивали. Вместе с кожей.

Мой клинок остался доволен и сыт. Я не останавливался. Я рубил, колот, резал. Каждый удар отдавался в виске, но это была сладкая, очищающая боль. Я убивал не просто предателей. Я убивал своё горе.

А утром Орда увидела то, что должна была увидеть.

Я приказал воздвигнуть частокол из пик у подножия своего кургана. И на каждую пику насадить голову. Ровно тридцать. Их лица застыли в гримасах удивления и ужаса. Перепачканные кровью и грязью перья нелепо торчали во все стороны.

Орда увидела это. И Орда... замолчала. Теперь уже точно боялись. А ещё они начали верить в мою неуязвимость и силу. Теперь уже точно никакая тварь и близко ко мне не ползёт.

Глава 7. Солнце палило нещадно

Солнце палило нещадно, превращая воздух над стойбищем в дрожащее марево. Запах жареного мяса, пота и конского навоза висел плотной пеленой. Я сидел в тени старого шатра из верблюжьей шерсти, лениво наблюдая за тем, как лучшие воины Орды соревнуются в силе рук. Я пил кумыс, но мысли были далеко. Завтра предстоял большой совет с вождями, где снова придётся спорить о том, как именно начать захват Королевства. Скука смертная.

— Бери меня в свой отряд. Я — Дали из племени кхаров, и я владею нукари лучше многих!

Это сказала она. Она подошла так тихо, что даже они не почували её приближения.

Молодая степнячка, ненамного младше меня или даже ровесница. Вместо традиционного широкого балахона или халата на ней была мужская одежда из кожи, облегавшая стройную фигуру. Длинные чёрные волосы заплетены в тугую косу, перекинутую через плечо. Но больше всего его поразили её глаза — дерзкие, яркие, без капли страха или почтения.

В одной руке она небрежно держала свой нукари. Клинок был опущен остриём вниз и чертил тонкую линию в сухой земле. Это был жест не угрозы, а абсолютной уверенности. Она не нуждалась в оружии, чтобы заявить о себе.

Я медленно окинул её взглядом, от поношенных сапог до рукояти меча на поясе. Воины притихли, ожидая взрыва гнева. Как смеет девка прерывать их отдых?

— Даже лучше меня? — наконец спросил я, и уголки губ дрогнули в усмешке. В этом вопросе не было вызова, только искренний интерес. Мне и правда стало весело. Давно никто не осмеливался вот так врываться и говорить со мной на равных.

Девушка не смутилась. Она лишь дёрнула плечом, скидывая руку одного из воинов, который попытался оттеснить её назад.

— А ты проверь, хан.

Вместо ответа я одним плавным движением поднялся на ноги. Я был выше её на две головы, шире в плечах, уже закалённый десятками битв. Она казалась рядом со мной хрупким тростником. Но этот тростник не гнулся от ветра. Он был выкован из стали.

Я отстегнул свой пояс с ножами и протянул ей один из тренировочных деревянных клинков со стола.

— Что ж... Если победишь — возьму тебя волкодавом.

По рядам волкодавов пронёсся гул недоверчивого смеха. Даже десятником у меня мог стать только лучший из лучших. Женщины-воины обычно шли простыми воинами. А тут сразу в ближники.

Но я уже не слушал. Я смотрел на неё с новым, хищным интересом. Безумна? Талантлива? Неважно.

Я уже принял решение.

Я не стал ждать. С обманчиво ленивой грацией шаг вперёд. Удар.

Это была молния. Простой прямой выпад, выполненный с такой скоростью, что воздух засвистел. Любой другой воин отшатнулся бы или попытался парировать грубой силой.

Но Дали не сделала ни того, ни другого. Её тело словно текло, как вода. Она ушла с линии атаки, чуть отклонив корпус, и деревянный клинок пронзил пустоту. В то же мгновение её собственный меч описал короткую дугу и звонко шлёпнул меня по заднице. Вот дерьмо овечьё...

Воины ржали в голос, хватаясь за животы. Я на долю секунды замер, чувствуя, как к щекам приливает жар. А затем медленно повернул голову и посмотрел на неё.

— Неплохо, — признал я, и моя улыбка стала шире. — Но это было подло.

— Война вообще дело подлое, мой хан, — парировала она, не опуская оружия.

Согласен. Она права. И она отличный противник! Теперь я атаковал всерьёз. Серия быстрых, рубящих ударов сверху, сбоку, переход в низкую стойку для подсечки. Это был настоящий боевой танец, смертельный для любого неподготовленного противника.

Дали держалась. Она была невероятно быстра. Каждый блок был выверен, каждый уход от удара — экономичен. Она не пыталась отвечать, понимая, что сила на его стороне. Она танцевала вокруг, заставляя поворачиваться, тратить силы впустую.

И тогда я понял. Она делала именно то, что должна была. Она изучала. Выжидала момент.

Ложный замах справа, чтобы заставить её сместиться влево. Она купилась. На долю секунды открылся её правый бок. Вот оно!

Я ринулся вперёд, вкладывая всю массу тела в колющий удар прямо ей в грудь. Казалось, промаха быть не может.

Но в последний миг её рука с клинком метнулась вниз, перехватывая траекторию удара в жёсткий блок. Другой рукой, свободной, она толкнула в плечо, используя инерцию моего же выпада. Потеряв равновесие, я качнулся вперёд. Этого мига ей хватило.

Резкий поворот, и плоской стороной деревянного клинка она звонко приложила меня по спине.

Тишина в шатре стала абсолютной. Смех оборвался так же резко, как и начался.

Я выпрямился, потирая спину, медленно повернулся к ней. Дали затаила дыхание.

А потом я расхохотался. Громко, искренне, запрокинув голову.

— Клянусь предками, ты меня победила! — воскликнул я, всё ещё смеясь. — Ты действительно владеешь нукари лучше многих.

Я подошёл к ней вплотную. Теперь уже никто не смел смеяться. Хан смотрит на неё с неприкрытым восхищением!

— Добро пожаловать в мой отряд, волкодав Дали. Надеюсь, ты умеешь не только драться, но и пить кумыс, потому что сегодня мы празднуем. Ты доказала, что умеешь рвать глотки. Пей!

Кагаир умирал от лихорадки, сгорая изнутри, и злился — не так должен уходить к предкам настоящий воин. Его перенесли в отдельный шатёр, куда кроме меня никто не входил. Я стал единственным свидетелем его позора, и Кагаир даже немного гордился, судя по тому, как он пытался распрямить плечи, видя меня на пороге.

Я снова пришёл и молча поставил суп у входа в шатёр.

— И не страшно тебе приходиться к больному? Говорят, лихорадка прилипчива.

— Не прилипчивей степной пыли, — усмехнулся я. — Моя мать учила меня пользоваться мылом и водой. Как видишь, я пока не заболел.

Кагаир лишь поморщился и махнул рукой, словно отгоняя саму мысль о такой расточительности.

— Воду только переводишь...

Моя мать была из речного племени. Она умерла, когда рожала младшую сестренку. Я уже был в обучении у Кагаира. Так странно, я уже не помнил её лица, только иногда в памяти всплывали песни. Она пела удивительно красивые протяжные песни, словно это пела сама Степь.

За свою чистоплотность она часто получала оплеухи от мужа, а другие степняки считали её ведьмой. Но меня-то уже никто не упрекнёт...

— Я не о том пришёл говорить. Шаман уже готовит тебе погребальный костёр. А ты... Хочешь умереть на соломе?

— Нет.

— Предлагаю умереть в бою.

Кагаир долго смотрел на меня, пытаясь отдышаться после приступа кашля. Затем его губы искривились в ухмылке.

— Так чего... мы ждём? — его голос был хриплым, но в глазах горел прежний огонь. Я медленно кивнул. План уже зрел в моей голове, жестокий и безупречный.

План был жесток, но по-своему справедлив. Если к деревне Королевства Аркандэль придут воины, их встретят стрелы и копья. Зачем лишний раз рисковать? Пусть придет сын с умирающим отцом и попросится на сеновал переночевать.

— Тебе не поверят, — хмыкал Кагаир, проверяя остроту клинка. — В приграничных деревнях живут не дураки. Они видели много таких уловок

— Тем лучше, — ответил я. — Проверим их бдительность

Мне любопытно было взглянуть на жизнь за границей, поэтому я хотел участвовать лично. Да и не дело хану отсиживаться за спинами воинов. Так он потеряет уважение.

Моя верная стая волкодавов росла. Это была уже целая орда голодных волков, две сотни преданных воинов... Им нужна была жертва. Они её получают. И похоже, ею станет одна приграничная деревня, давно забывшая, что у Степи есть клыки.

Глава 8. У Степи есть клыки

Мирандель зажгла свечу у образа богини плодородия и распустила по плечам светлые волосы. Сегодня полная луна — самое время для гадания на жениха. Она медленно водила деревянным гребнем, и её губы изгибались в загадочной полуулыбке.

Сквозь беспечно открытое окно в избу проникал свежий ночной воздух. Внезапный порыв ветра встрепенул пламя. Свеча мигнула раз-другой и погасла.

Мирандель оцепенела. По спине пробежал холодок дурного предчувствия.

Утро выдалось по-деревенски суетливым. Сёстры с коромыслами спешили к колодезю, братья возились с упряжью, а коровы лениво тянулись на пастбище вслед за пастухом. Куры сыто клевали последние зёрна из рассыпанного корма.

Мирандель осталась во дворе с матерью. Отец тем временем полез на крышу — скрип флюгера надоел до зубной боли, и каждый поворот деревянного петуха вызывал желание сбить его стрелой.

Их дом стоял крайним к тракту, и торговцы часто заворачивали сюда. Вот и сегодня кто-то настойчиво постучал в ворота. Напевая, Мирандель без страха откинула засов. А чего бояться? По одному крику полдеревни соберётся, да и отец рядом... со своим топором.

Мирандель оцепенела. По изрытой колеями дороге к их дому приехала двухколёсная повозка, запряжённая старой гнедой кобылой. Правил ею молодой парень в потрёпанной одежде. По широкоскулому лицу с узкими глазами можно было сразу понять — степняк! В его руках были ножны с изогнутым мечом. Видимо, он ими и стучал, чтобы не слезать с лошади, на которой сидел верхом без седла. На губах юноши застыла вежливая улыбка.

Но что-то в его вежливой улыбке было не так. Слишком спокойный взгляд. Слишком неподвижная поза. Он не торговец и не гонец. Он — змея, которая греется на солнце перед броском...

У Степи есть клыки, и мы их показали. Деревню мы выбирали так, чтобы найти хорошую добычу. В итоге остановились на той, которая была чуть дальше, чем многие другие. Зато, как помнили наши старики, это была большая деревня, куда часто заглядывали торговцы, в том числе и из Степи.

Она находилась на Королевском тракте, а значит, должна была хорошо охраняться. Но две сотни волкодавов, поджог и ночь давали нам преимущество. Кроме этого, нужно дать псам почувствовать вкус настоящей победы. Перерезать простых пахарей — не велик почёт.

Я сел на старую кобылу, запряжённую в ветхую повозку. Под полог лёг Кагаир. Ему на удивление стало лучше! Но он клялся, что будет отлично изображать умирающего. Мы с ним рано утром подъехали к первому дому деревни. Его окружала толстая бревенчатая стена. Тут явно жили богатые люди.

Ворота нам открыла девушка, которая сразу же испугалась.

Я уловил запах. Запах тёплого хлеба, молока и чего-то сладкого, домашнего. Запах мира, который мы пришли разрушить.

Она подозрительно смотрела на меня, хмурилась. Наверно, поняла, какую глупость сделала.

На месте её отца или жениха я бы её выпорол, чтобы думала в следующий раз.

Но я не был ни её отцом, ни женихом. Я был хищником, который нашёл открытую дверь в курятник. И эта глупая, доверчивая курица только что впустила меня внутрь.

— Хорошего урожая... — торговцы из относительно мирного племени анари рассказали, как правильно говорить с аркандельцами. — Мы с отцом из степи. Наши шаманы не смогли помочь, и мне сказали, что у вас в Королевстве есть лечащий...

Я загнулся, вспоминая мудрёное слово.

— Лекарь... — настороженно ответила девушка.

Её голос был почти певучим, но в глазах поселился холодок недоверия.

— Отец, подойди сюда!

На крыльцо вышел огромный мужчина. Он молча заслонил собой дверной проём, демонстративно держа в чуть приподнятой руке топор.

— А ну пошёл прочь, пока цел, — пророкотал он.

— Я просто ищу того, кто поможет вылечить отца... — мой голос даже не дрогнул. Нашёл чем угрожать!

Мужик молча шагнул вперёд, его взгляд скользнул по мне и упёрся в повозку. Из-под груди тряпья донёлся протяжный стон.

Девушка оттолкнула отца и шагнула на дорогу. На дне повозки лежал Кагаир. Его глаза бессмысленно блуждали, а тело сотряс приступ мучительного кашля. Неплохо старается старик!

— Кто там? — рявкнул мужик.

— Им нужен лекарь... Папа, это лихорадка, — прошептала она, не отрывая взгляда от больного. — Они не врут. Вам нужна другая деревня, дальше по тракту...

— Хорошо, я поеду туда, — легко согласился я. — А могу пока оставить отца у вас? Боюсь, он не выдержит дороги.

— Это зараза! — рявкнул отец. — Оба. Пошли вон!

Девушка нерешительно переминалась у повозки. Жалость к умирающему старику боролась со страхом перед гневом отца и чужой болезнью. Но сострадание победило.

— Отец, он правда очень плох... Пусть оставит его хотя бы в амбаре.

Я медленно перевёл на неё взгляд. Я видел это. Видел, как её доброта затуманила разум. В мире Степи такая доброта не живет дольше одного вдоха. Она была обречена с того момента, как открыла ворота.

— Я заплачу, — тихо добавил я, не отрывая от неё глаз.

Девушка опять нахмурилась, уже сомневаясь в своём порыве.

«Давай же, — подумал я, едва заметно улыбаясь. — Выбирай. Выбирай свою судьбу».

В этот момент я любил этот мир за его простоту. Люди — это лишь набор слабостей, которыми так легко управлять.

— Десять серебряных монет, — голос отца стал хриплым. — Есть столько у дикаря из степи?

Я усмехнулся. А ведь правду говорят, что у каждого аркандельца есть своя цена. Я молча сунул руку за пазуху и извлёк небольшой, но увесистый кожаный мешочек. Подбросил его на ладони. Раздался глухой, тяжёлый звон металла. Да, не зря я его взял на случай непредвиденных расходов.

Мужик уставился на кошель, словно замороженный. Страх перед болезнью боролся с алчностью, и алчность одерживала сокрушительную победу.

— В амбаре есть сеновал, — буркнул он, глядя себе под ноги. — Туда неси. А если сам не болен и голоден, заходи в дом.

Я молча кивнул и бросил ему мешочек с монетами. Он рефлекторно поймал его.

Знаете, что больше всего меня поразило? Беспечность! Они пусть и со скрипом старого колеса, но впустили двоих незнакомцев-степняков, своих старых врагов. Неужели и правда золото тут открывает все ворота?

За обедом мне даже выделили место рядом с отцом семейства, того самого властного, но жадного мужика с топором. Он уже не боялся, не стеснялся, а требовал, чтобы я выпил с ним браги. Пришлось отговориться, что у меня зарок... Или обет какой-то... Не помню уже.

Мужик же на мои деньги купил у соседа бочку браги и напоил половину деревни...

Я был в тихом ужасе. Я сидел за столом, слушал их пьяные песни и смотрел на жирного хрюка, который дремал у очага. Грандиозный план с налётом посреди ночи, с пожарами и стрелами оказался не просто не нужен — он выглядел смешно на фоне этого храпящего борова.

Я смотрел на их раскрасневшиеся лица, на слюнявые улыбки и понимал: вот она — истинная слабость Аркандэля. Не в их крепостных стенах, а в их собственной глупости и жадности. Их не нужно было завоёвывать. Их нужно было просто купить. И я купил их за бесценок.

Пахарей можно было собирать как бревна и сваливать в канаву, а потом идти грабить их дома.

Наступила ночь. Мои верные псы ждали сигнала. Я вышел из дома и дошёл до амбара. Там меня ждал Кагаир. Он лишь слегка покашливал, будто больше по привычке.

— Ну что? - в нетерпении спросил мой старый учитель.

— Пьяные все...

— Да я слышал, как они песни орут, — хохотнул Кагаир. — Немного славы мы тут добудем.

— Ну хоть золото заберем, — пожал я плечами и затих. Во дворе послышались лёгкие шаги. Я поднял руку и тенью метнулся к двери, выглядывая через щёлку на улицу. Кагаир вытащил нукари и встал так, чтобы лезвие не бликовало.

Я увидел её. Мирандель. Я узнал за обедом имя той девушки, которая открыла нам дверь. Она шла босиком, неся в руках кувшин с водой. Наверное, не спалось. Она остановилась у колодца, подняла голову к небу, и лунный свет залил её лицо.

Кагаир тихо фыркнул у меня за спиной, но я лишь крепче сжал рукоять меча.

— Пора, ты поджигай, а я с ней разберусь, — прошептал я и рывком распахнул дверь амбара.

Она не сопротивлялась. Она почему-то даже улыбнулась. Наверно, потому что я не вытаскивал из ножен ни кинжал, ни нукари.

А за моей спиной, в темноте амбара, Кагаир уже высекал искры для факела.

— Тебе тоже не спится? — спросил я мягким голосом.

— Нет... — она смутилась. — Вообще-то я ждала, пока все уснут... Хотела погадать...

Да уже вторую ночь подряд не получается.

— Дай угадаю, на жениха гадаешь?

— Да... Глупо, да? — даже в неверном серебристом свете луны стало заметно, как она покраснела.

Вдали раздался лай. И тут же взвизг, оборвавшийся так резко, словно собаку прирезали.

— А чем я не жених? — я наклонил голову набок и прищурился.

— Ой, шутишь, — она прижала ладони к покрасневшим щекам.

Потянуло дымом — его горький запах очень чётко разорвал ночную свежесть. Интересно, сколько ещё она будет улыбаться?..

— Какие шутки, — я подошёл ближе. Интересно, а девки из Арканделя какие на вкус? Оказалось, пресные... Это был пресный поцелуй с покорной девицей, которая не понимала, что находится в шаге от врага.

Мирандель отстранилась и оглянулась по сторонам:

— Кажется, дымом запахло...

Дождей не было уже давно. Лето опять выдалось засушливым. Соломенная крыша занялась быстро. Огонь начал жадно её пожирать, поднимаясь ввысь к звёздам. Совсем близко раздалась гортанные выкрики:

— Акхар! Акхар!

Моё имя стало боевым кличем. Я не смог удержать торжествующую улыбку. В звёздном небе полетели огненные стрелы, сея смуту и панику. Деревня просыпалась... Ну как просыпалась... Бежали дети и женщины... Мужики спали пьяным сном.

А девица... Девица стояла, зажимала рот руками, сдерживая крик. Я видел ужас в её глазах. Настоящий. Неприкрытый. Потом она прошептала, отняв ладони от лица:

— Пощади... пощади нас... Тебе открыли дверь, дали ночлег.

Крики в деревне слились в единый вой. Началась резня. Я не ответил, медленно перевёл на неё взгляд. Вокруг нас рушился её мир, а она всё ещё пыталась играть по правилам мира, который моя Орда сожжёт дотла.

Небо над деревней окрасилось в багровый. Дым застилал звёзды, и казалось, что сама ночь горит. В этот момент я чувствовал не жалость и не злость. Я чувствовал лишь холодное удовлетворение от того, что всё идёт по плану.

На крыльцо дома выбежали трое совсем маленьких пацанов и одна взрослая девчонка. За ними кое-как выполз пьяный отец, его толкала в спину худая женщина в платке. Мать семейства напоминала курицу, которая всеми силами пытается спасти цыплят от ястреба.

Семья дружно завизжала, увидев меня и девицу во дворе. Из амбара, открыв ударом ноги дверь, выбежал Кагаир. Для старика он действовал неплохо, налетев на семейство пахарей с нукари наперевес.

Я присоединился к нему, собирая кровавую жертву. Хотя славы в этом не видел. Вокруг стоял невыносимый шум: крики детей, хриплый рёв пьяного мужика и этот влажный звук, с которым сталь входит в плоть. Это была не битва, а забой скота. Их отец даже не успел поднять руки, прежде чем мой клинок нашёл его горло.

Мирандель осталась стоять столбом. Она замерла, как часто замирают олени в надежде, что их не увидит волк. Неопасна.

Когда двор залила кровь, ворота открыл Хнар с боевым топором наперевес. Он скользнул взглядом по девицу и хмыкнул. За ним зашёл Тамир с окровавленным нукари в руках. Он завопил:

— Эй, хан! Духи тебя заберут, это была просто бойня, а не война.

— А представляешь какого мне? — усмехнулся Кагаир, кое-как сдерживая кашель. Он стоял рядом со мной. — Я уже настроился на смерть, а тут... Пфу.

— Значит, ты ещё мне понадобишься, — я позволил себе лёгкую улыбку и крикнул своим псам. — Золото ищите, коней и скот уводите. Знаю... эти пьяные свиньи сами дали себя прирезать. Так хоть поживимся.

Я сплюнул в грязь и кровь. Девица отмерла на минуту:

— Ты хан?..

— Опа-на, — Тамир присвистнул, шагнул к ней, и она отшатнулась. — Ничего такая... Себе присмотрел?

— Нет, хочешь — забирай.

Во двор заехала Дали с моим конём в поводу. Беляк недовольно ржал и бил копытом. Он тоже любил бой, а его оставили на привязи в лесу.

Я вскочил в седло.

— Уходим! — мой голос перекрыл треск пожара.

Беляк подо мной нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— И да... Прибейте головы к воротам этого дома. Пусть предупреждают тех, кто придёт после. Орда уже идёт!

Я ударил коня пятками, и мы рванули прочь из горящей деревни, оставляя за спиной зарево, которое освещало нам путь.